

Просто читатель

Алла Демидова, наверное, станет читать романы

Завтра жюри Букеровской литературной премии соберется на свое второе заседание в этом году, чтобы определить шорт-лист номинантов. Полный список романов, представленных на рассмотрение жюри см. в «НГ» от 10.06.97. Мы попросили поделиться своими первыми впечатлениями от прочитанного члена жюри с самым свежим взглядом — Аллу Демидову.

Премия

— **АЛЛА СЕРГЕЕВНА**, вы один из нескольких членов жюри, которые признались, что в последнее время не читали. Значит, ваши впечатления о современной русской литературе должны быть наиболее «чистыми», непредвзятыми. Какое у вас сложилось «впечатление вообще»?

— То, что я не читаю художественную литературу, не значит, что я вообще ничего не читаю — мемуарику, письма и так далее. Словари стала любить читать.

Я понимаю желание устройств в жюри меня. Они хотят в дальнейшем расширить его круг, чтобы было больше не специалистов и профессионалов, а именно читателей. У профессиональной критики сейчас сложился свой птичий язык, который просто читателю не нужен.

И я стала читать подневольно, очень прилежно. Я понимала, что можно с первых трех страниц определить уровень, но тем не менее я заставляла себя читать до конца, и эта моя прилежность помогала быть честной перед собой.

В основном направление немножко другое, чем лет пять или шесть назад. Даже не потому, что все дозволено, больше секса или мата — всего того, что раньше было в многоточиях или за строчками. Шире кругозор интересов. Предположим, рассказывается история одной или двух семей, но в то же время вкрапливаются почти отдельные статьи, которые вполне могли бы быть напечатаны в «Науке и жизни» или «Знание — сила», когда были такие журналы. И это расширение информационного ряда — почти у всех. Получается такой общий жанр — как бы устного рассказа. Вот я вам рассказываю о чем-то, предположим, о своей семье, и а прогос говорю: «Да, а вот представьте себе, это шестое измерение, оно мне показалось, потому что я открывала дверь, и я подумала...» — и дальше рассказываю о шестом измерении. Что само по себе очень интересно, но к делу не относится. Это не у одного, не у двух, не у трех, а это просто какое-то общее направление, очень у многих.

Но тем не менее рассказчик один, и тон один, и нет нашего старого представления, что каждый говорит своим языком, проявляет характер — нет. Характер рассказчика. Такого единого лирического героя. Но, например, Каледин, который написал — я не профессионал и не берусь определять жанр, но я бы скорее подумала, что это повесть — «Гахана меркзит». Мне это очень понравилось, очень профессионально сделано. Иногда в театре смотришь какой-нибудь спектакль, и все очень нравится: хорошо сделано, лихо, и даже очень хорошо как бы играют, а потом уходишь из театра — и забываешь. А иногда — вроде бы и спектакль не целиком сделан, только намерения, но вдруг пронзительная игра какого-то актера, которого вначале и не очень-то понимаешь, потому что это разрушает какие-то твои старые представления, но потом это так впечатывается в память, — и навсегда. Впечатываются какие-то фантомы.

И вот такого фантомного немного. С другой стороны, такого и вообще в литературе немного, поэтому оно в классике и остается. Что уж требовать от одного года — было бы странно, если бы было много. Но тем не менее есть.

EX LIBRIS - ПРОС. К. НЕБЕЗЫС, ГАЗЕТА - 1994 - СЕНТ - №15 - С.Д.

— И что осталось таким фантомом?

— Например, Каледин. Эта история, хотя банальная, об Израиле (израильских историй много представлено на Букера), не очень оригинальная, но так написано, что что-то осталось.

Или, например, Азольский, «Клетка» в «Новом мире» №5-6. Тут другое. Мне показалось, что в «Клетке» есть значительная трагическая нота. Это трагедия нашего времени, когда талантливые люди все были в бегах, когда только партизанскими тропками можно было доказать что-то свое оригинальное — это как ни у кого, мне показалось, отобразило нашу ту действительность, которую мы, я надеюсь, когда-нибудь перешагнем.

На пресс-конференции все в один голос говорили, что премию получит Пелевин, «Чапаев и Пустота». Я даже вам скажу честно, я его первого и прочитала, потому что вокруг меня не сказать чтобы близкие приятели, а так, близкие знакомые, все время спрашивали — «Ты не читала, не читала?» — до этого еще, до Букера. Читается вообще очень интересно. Но он слишком увлекается профессией, я думаю. И поэтому слишком профессионализируется. Я не могу понять, какой он человек, какие у него болевые точки в душе. А все-таки мы привыкли в русском искусстве, не только в русской литературе, что для нас это иногда более важно — эти болевые точки.

А профессией он владеет, поэтому знает, на какие мои точки нажимать, читательские.

Или вот Санаев «Похороните меня за плинтусом», про мальчика и от лица этого маленького мальчика — и, кстати, психология этого ребенка очень понятна и мне, например, очень близка. Но бабушка и все другие персонажи — немного театрализованы. Я все время вспоминала, как бы это играла Раневская — и через игру Раневской у меня виделась эта бабушка.

Или, например, «Ермо», Буйда. Тоже очень профессионально. Но там есть какое-то еще поэтическое видение мира. Или Кантор — «Крепость». Семейный роман. Это такое хорошее чтение — читается очень хорошо, интересно. И даже там есть философия какая-то своя. Но мне кажется, это все уже было у Владимира Кормера, только более откровенно, пронзительно и первозданно.

«Люблю», Малецкий тоже можно отметить, такой внутренний монолог московского интеллигента, когда мысль одна на другую захлестывает, одна эмоция на другую... Это вообще не разработано в театре и в литературе — такой тип. Но это, наверное, начало какого-то направления. Опять аналогия с театром: весь мир играл Хайнера Мюллера, который брал старые сюжеты и делал новые пьесы — «Гамлет-машина», «Медея Эврипида и Медея — материал». Ему нужно было что-то взять и в духе современного (да еще немецкого!) разрушительного менталитета сделать что-то свое. Весь мир переиграл, потому что в классике везде локальность чувств — и особенно, когда слово выражает чувство локальное. «Люблю» — это будут «Ромео и Джульетта», «ненависть», «ревность» — так это ревность отелловская, и так далее. У современного человека границы давно уже размыты, одно наслаивается на другое, и вообще неизвестно, где начало, где конец какого-то чувства.

— Слово «роман» в массовом сознании в первую очередь связывается со словом «скука». Есть ли в списке романы субъективно скучные?

— Да, конечно. Такие, знаете, полудетские по мировоззрению. Полуфантастические, полувойенные. Впрочем, они и не фантастические, и не военные, а так — сказочки.

У меня на каждую книгу была совсем маленькая рецензия. Жаль, все на даче осталось. Это должно было на полях списка поместиться. Так вот об одной книге было написано: «Сложнопредложное предложение ни о чем». Все было очень умно и складно, но ни о чем.

— Какой для вас была эта проба? Стоит ли в следующем году взять с собой на дачу мешок русских романов?

— Нет. Хотя иногда... Год тому назад я бы этого не стала делать, потому что у меня слишком выработался свой отбор того, что мне читать. А сейчас я бы, пожалуй, стала читать, потому что действительно есть что-то интересное.

Беседовал Александр ГАВРИЛОВ